

Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме

А. А. Солдатов✉

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, Россия

✉soldatov2012@yandex.ru

Введение. Проанализированы основные причины усиления турбулентности в политической сфере различных государственных образований. Подчеркнуто, что основной причиной этого явления стало активное формирование новых социальных групп.

Методология и источники. В работе используется социологический анализ различных стратификационных моделей общества, начиная с XIX в. и до наших дней, в контексте работ К. Маркса, М. Вебера, Р. Флориды, Г. Стэндинга, И. Валлерстайна и др.

Результаты и обсуждение. Делается вывод о том, что политическая сфера сама по себе самодостаточна, политические группировки играют в обществе самостоятельную и очень важную роль, а новые тенденции современного глобального рынка существенно изменяют прежние стратификационные модели социума.

По мере формирования новых социальных групп возникают различные факторы риска, к которым можно отнести функциональную гибкость и негарантированность рабочего места. Также можно утверждать, что технический прогресс на современном этапе не признает цивилизационных границ и игнорирует фактор отсталости отдельных стран и регионов, что приводит к неоднозначным результатам и может явиться причиной социальных катаклизмов.

Заключение. Из данных обстоятельств вытекает ряд существенных выводов. Среди активных участников современных протестных движений и акций нет четких классово-стратификационных барьеров. По-прежнему имеют значение показатели материального положения, уровня образования, профессиональной квалификации, но в сочетании с другими факторами. Размытые социальные границы неизбежно предполагают отсутствие прочной идеологической базы, на место которой приходят протестные тренды, зачастую прямо не связанные с политическими событиями и требованиями. В качестве примера можно привести акции «зеленых» экологов или ЛГБТ-сообщества. Проблема заключается в том, что политические субъекты активно реагируют на любые движения, из-за чего сфера принятия политических решений теряет аутентичный характер.

Ключевые слова: социальная группа, глобальный рынок, креативный класс, прекариат, стратификационная модель, протестное движение.

Для цитирования: Солдатов А. А. Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 82–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-82-91

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 17.12.2020; принята после рецензирования 11.01.2021; опубликована онлайн 25.02.2021

© Солдатов А. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

New Social Groups as the Factor of Political Instability in the Modern Society

Andrei A. Soldatov[✉]

State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

[✉]soldatov2012@yandex.ru

Introduction. The basic reasons of increasing turbulence in the political sphere of different state entities are analyzed. It is emphasized that the main fault of this phenomenon was the active formation of the new social groups.

Methodology and sources. A sociological analysis of stratification models of society, starting from the 19th century and up to our days in the context of the works of K. Marx, M. Weber, R. Florida, G. Standing, I. Vallerstein and others is used.

Results and discussion. The conclusion is made that the political sphere itself is self-sufficient, political groupings play an independent and very important role, and new tendencies of the modern global market significantly change of the society.

As new social groups are formed different factors of growth emerge which include functional flexibility and lack of guarantee of the working place. It can also asserted that technological progress at the present stage doesn't recognize civilizational boundaries and ignores the factor of backwardness of some countries and regions which leads to ambiguous results and can cause social cataclysms.

Conclusion. A number of important conclusions follow from these circumstances. Among the active participants and actions of participants there are no clear of stratification barriers. Financial indicators still play a role. Indicators of financial position, level of education, and professional classification in combination with other factor still play a role. Blurred social boundaries inevitably imply the absence of a solid ideological base, which is replaced by protest trends often unrelated to political events and demands. The actions of the green eco-activists or LGBT community can serve as an example. The problem is that the political individuals react actively to any movement, which make the sphere of political decisions lose its authentic character.

Key words: social group, global market, creative class, prekariat, stratification model, protest movement.

For citation: Soldatov A. A. New Social Groups as the Factor of Political Instability in the Modern Society. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 82–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-82-91 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.12.2020; adopted after review 11.01.2021; published online 25.02.2021

Введение. По мнению практически всех исследователей социально-экономических процессов, сегодняшняя ситуация в мире сигнализирует нам о крайне высокой степени турбулентности во всех сферах общественной жизни и политической – прежде всего. Это связано с недостаточной восприимчивостью политических структур к изменившимся формам общественных отношений, причиной тому является активное формирование новых социальных групп вследствие трансформаций традиционно сложившихся на протяжении десятилетий хозяйственных укладов. Формирование глобального рынка также создало предпосылки и к появлению «неформальных» форм трудовых отношений. Подобные тенденции в разных сферах экономики сняли прежние трудовые ограничения и в то же время лишили огромное количество работников привычных гарантий, в том числе пра-

ва работы по выбранной специальности. Существующие в большинстве стран политические силы не могут дать адекватный ответ на изменившиеся обстоятельства и достойно принять ежедневно появляющиеся вызовы. Поэтому закономерно увеличивается протестный потенциал, и нередко инициативу перехватывают «неформатные» политики, предлагающие нетрадиционные методы решения возникающих проблем.

Отметим, что в прежние времена (в XIX–XX вв.) подобные процессы также были вызваны экономическими трансформациями (индустриализация, деиндустриализация, реиндустриализация), что неизбежно вызывало структурную мобильность огромного количества населения. Это провоцировало появление «групп риска», к числу которых относились: маргиналы, пауперы, люмпены и др. В 60-е гг. XX в. в западных странах активно заявил о себе «андеркласс», объединяющий в себе людей без профессии, длительное время живущих на пособия. Все эти уязвимые слои населения практически не имели партийного представительства в силу того, что традиционные партии были ориентированы на выражение интересов «средних групп населения», а в действительности нередко продвигали интересы крупного капитала. На сегодняшний день обычной является ситуация «недовольства всех всеми», поэтому часто в обществе появляются нетрадиционные предложения. Например, в США представители крупного бизнеса выступают с идеей обложения их большими налогами на прибыль, т. е. вместо абстрактных партийных программ, которые, как правило, никто не читает, конкретные предприниматели предлагают креативные идеи, нацеленные на результат с быстрой политической отдачей.

Методология и источники. Новые тенденции современного глобального рынка, перечисленные выше, создали неизвестные ранее вызовы и угрозы, речь прежде всего идет об изменении прежних стратификационных моделей общества. Как известно, на протяжении столетий изменение классового состава населения практически всегда объяснялось качественными скачками в экономическом укладе социума, а политические изменения (Английская буржуазная революция, Великая французская революция, русские революции 1917 г. и др.) были, соответственно, следствием этого. Сами политические перевороты рассматривались как верхушка и видимая часть айсберга, но основная их суть заключалась в глубинных изменениях социальной структуры общества. Практически все мыслители сходились во мнении, что в результате постоянно возрастающего уровня производительности труда на авансцену истории выходят прогрессивные социальные группы населения.

Знаменитый немецкий экономист Карл Маркс указывал в связи с этим на базисную классовую природу любого типа общества (рабовладение, феодализм, капитализм) и, в равной степени, на надстроечный механизм политической формы государственной формы правления. История представлялась немецкому мыслителю ареной, где прогрессивные классы отодвигают реакционные (в результате революций), а экономические факторы имеют определяющее значение: производительные силы являются содержанием хозяйственно-политического уклада, а производственные отношения – его формой. Кроме того, важную роль играют средства производства, а главное – «собственность на средства производства» [1, с. 191]. В свою очередь оппонент К. Маркса и его соотечественник М. Вебер исходил из многомерной позиции социальных групп, которые и определяют их положение в социальной структуре. По его мнению, определяющее значение имеют не только экономические категории, но и статусные обозначения (статусные группы), а также, что очень важно, властные позиции – «политический класс» [2, с. 163].

Результаты и обсуждение. Отсюда вытекает вывод о том, что политическая сфера сама по себе самодостаточна, а политические группировки не являются только лишь «орудием в руках правящего класса» (определение марксизма), а играют самостоятельную и очень важную роль. Также из веберианской теории вытекает, что «класс» – не совсем экономическое понятие, т. е. его значение не объясняется только наличием или отсутствием собственности – это лишь исходная позиция, более важное значение имеет поведенческая стратегия, ориентированная на накопление капитала. Исходя из данного фактора, выделяются «позитивно привилегированный» и «негативно привилегированный» стязательские классы. К первой группе имеют отношения те, кто не просто владеет собственностью, но способен извлекать из этого прямую выгоду в виде монополизации производства дорогих товаров, потребления эксклюзивной продукции. В свою очередь факт отсутствия собственности (на земельные участки, на средства производства и др.) не указывает автоматически на принадлежность ко второй группе. Главным атрибутом «негативно привилегированного» класса является зависимость, например долг, обязывающий работать на хозяина.

Немаловажное значение также имеет возможность предоставления услуг. Здесь определяющим фактором является не только вид предоставляемых услуг, но и сам способ их предоставления: на долгосрочной или временной основе. М. Вебер указывал в связи с этим на первостепенное значение рынка как главного источника различий рода деятельности, а в конечном счете того, что определяет предпосылки индивидуальной судьбы. М. Вебер делает вывод: «Классовая ситуация есть по существу рыночная ситуация» [2, с. 163]. Стратегия классового поведения направлена прежде всего на приобретение «выгодных рыночных ниш» [2, с. 163]. Рабочие высокой квалификации, безусловно, имеют выгоды от приобретенных в процессе трудовой практики компетенций, позволяющих им монополизировать наиболее престижные ниши на рынке труда. В этом смысле их стратегия поведения ничем не отличается от предпринимательской, а именно в стремлении извлечь выгоду из занимаемого положения на рынке. Данное обстоятельство позволило предположить, что марксистское противопоставление классов отчасти сглаживается самой логикой «рыночной игры», где благодаря «гибким условиям» ущемленные группы населения могут улучшить свое положение. В действительности верхний слой рабочего класса имеет возможности перехода в более престижные группы населения, а часть из них (или их дети) открывают собственное дело и становятся полноценными предпринимателями. Для многих его представителей также открыт путь к дальнейшему повышению компетенций, освоению инженерных специальностей и др.

Марксисты не отрицали данных возможностей, но связывали степень интенсивности процессов восходящей мобильности с конкретными фазами развития капиталистического производства. На ранней стадии развития капитализма доминирует процесс «обуржуазивание», когда открывается все больше рыночных ниш, на зрелом этапе капитализма происходит монополизация большинства секторов и главными выгодополучателями оказываются крупные игроки, которые путем вытеснения средних и мелких предпринимателей стремятся снизить риски рыночных издержек. Есть некоторые основания для утверждения, что с этого момента сами понятия «капитализм» и «рынок» не отождествляются в своих абсолютных значениях. При этом стратегия поведения классов остается рыночной (она не может быть иной), но оказывается скованной конкретными законами, принимае-

мыми в пользу сформировавшихся монополий. Происходит закономерное схлопывание не выдержавших конкурентную борьбу сегментов. Здесь мы осознанно употребляем рыночную терминологию, но в то же время надо понимать, что неконкурентоспособность и в целом невыгодное положение «слабых игроков» является отчасти следствием рукотворного, а не рыночного процесса.

Под данным утверждением можно было бы понимать невидимую руку рынка, о чем очень любят говорить представители «выигравшей стороны», но нередко это банальное следствие возросших лоббистских возможностей, а в ряде случаев и подчинение себе государственных институтов. Как следствие, нарушается один из основных законов рынка о «равных стартовых возможностях», согласно которому важно не создавать препятствий для деятельности тех, кто желает подвергнуть риску свой собственный капитал. По утверждению основоположника классической экономической теории Адама Смита, «каждый более или менее переоценивает шансы удачи, а шансы неудачи большинством людей недооцениваются, и вряд ли найдется такой человек, мало-мальски здоровый и бодро настроенный, который преувеличивал бы их» [3, с. 81]. Популярная в неолиберальной среде гипотеза «обогащения сверху вниз» (речь идет о том, что богатые слои населения получают основную часть национального дохода, но взамен инвестируют приобретаемый капитал в создание новых рабочих мест) коррелирует с различием равенства конечных результатов и равенства возможностей.

Большинство рыночных либералов утверждают, что для социума оптимальным вариантом является условие, при котором гражданам предоставляются равные возможности, например в получении доступных кредитов на высшее образование, а на более раннем историческом этапе и общедоступность школьного обучения, не акцентируя внимание на крайне неравномерных конечных результатах. Но здесь неизбежно возникают факторы риска, при постоянной величине роста стоимости высшего образования уменьшается доступность элитарных учебных заведений (Лига плюща в США, Оксфорд и Кембридж в Великобритании, Сорбонна во Франции), и основной группой риска становятся выходцы из среднего класса, поскольку в отличие от способных и дискриминируемых представителей малообеспеченных слоев им не предоставляется финансовая поддержка. К тому же постоянно меняющаяся конъюнктура рынка занятости диктует необходимость подготовки «гибких специалистов», способных не столько к получению знаний и навыков, сколько к их быстрому применению и смене не только места работы, но и сферы деятельности.

Отсюда возникает первый существенный риск: функциональная гибкость и негарантированность рабочего места. Функциональная гибкость позволяет фирмам диверсифицировать труд, минимизируя издержки, посредством перевода работников с одного рабочего места на другое, указывая дальнейшее направление их деятельности. Возникновение условий гибкого рынка труда диктуется неизбежностью конкуренции на глобальном рынке, когда открываются трансграничные методы ведения хозяйства. При этом неизбежны риски: если гибкость численности ведет к отсутствию гарантий занятости, то функциональная гибкость усиливает негарантированность рабочего места. Еще в 1970–80 гг. XX в. отождествлять себя с фирмой, в которой человек работал, считалось нормой, в сегодняшней реальности это нонсенс, так как молодые люди, которые начали трудовую деятельность еще во время учебы, к 30 годам успевают сменить множество мест работы и сфер

деятельности, многие из них никогда не видели своего работодателя. Поскольку равные стартовые возможности органично вписаны в стабильную занятость и карьерный рост, преимущества получают индивиды и социальные группы, способные сами создавать себе рабочие места.

Заметное место здесь занимает теория «креативного класса» американского социолога Р. Флориды [4, с. 160–162]. Для подобной категории граждан характерна работа без отрыва от дома, семьи, досуга, места отдыха, времени суток и страны проживания. Их отличительной чертой является способность к формированию новых трендов развития, оказывающих влияние на все сферы сегодняшней жизни. Конфликтный потенциал данной социальной группы сам по себе небольшой, поскольку они являются самодостаточными субъектами, не интегрированными в жесткие социальные иерархии, к данной категории лиц применимы различные «парадоксы занятости», например, гигоника-людей нанимают не в штат, а для решения строго определенных задач.

С другой стороны, по мере того как шел процесс глобализации, трудовые отношения становились все более гибкими, это неизбежно вело к росту неформального сегмента занятости, и сама форма занятости становилась все более нестабильной. Именно в 90-е гг. двадцатого столетия появился такой социальный феномен, как гибкий труд, который в буквальном смысле привел к ломке традиционной социальной структуры индустриального общества. «Миллионы людей в условиях процветающей или даже зарождающейся рыночной экономики образовали прекариат – феномен совершенно новый, даже если он и имел какие-то смутные прообразы в прошлом» [5, с. 19]. Как полагает исследователь данного явления, английский социолог Гай Стэндинг, прекариат не является частью «рабочего класса» или «пролетариата». Главное его отличие состоит в том, что традиционные промышленные рабочие образуют собой сообщество со стабильной зарплатой, которая растет вместе с квалификацией и трудовым стажем, кроме того, пролетарии заключают долгосрочные трудовые договора и пользуются защитой профсоюзов. По мнению Г. Стэндинга, их фундаментальное отличие от «прекариата» заключается в том, что пролетарии занимаются делом, которое четко осознаваемо не только ими самими, но и их родными и близкими, и они знают в лицо всех своих работодателей. В то же время «прекариат» «нельзя отнести также и к среднему классу, поскольку у этих людей нет стабильного или предсказуемого жалования, нет статуса и пособий, которые должны быть у представителей среднего класса» [5, с. 19].

Таким образом, Г. Стэндинг определяет «прекариат» в качестве социоэкономической группы, к которой отдельный человек может принадлежать, а может и не принадлежать. В таком ключе данный термин является неологизмом, который в свою очередь образован от двух слов: первое – *precarious* (что означает «нестабильный, неустойчивый»; экономический термин – «прекариальные отношения») и второе слово – это собственно «пролетариат». Стэндинг не рассматривает «прекариат» в марксистском значении слова «класс», поскольку он не обнаруживает в себе классового сознания – это класс в процессе становления, еще класс в себе, а не класс для себя. Также необходимо отметить, что сегодня многие представители традиционного среднего класса по целому ряду параметров находятся в группе риска. Это касается такого важного критерия, как необходимый уровень образования: на сегодняшний день высшее образование уже не является гарантией сколько-нибудь

устойчивого положения в социальной структуре, поскольку оно не обеспечивает овладение новыми технологиями и в силу данного фактора становится невосприимчивым к рыночным реалиям. Технический прогресс, в отличие от двадцатого столетия, сегодня развивается не линейно-поступательно, а синхронно. В пользу данного обстоятельства говорят следующие факты: можно, например, взять за основу 50 млн пользователей, овладевших разными видами товаров и услуг. «Автомобили обрели 50 млн пользователей за 62 года; электричество за 46 лет; мобильные телефоны за 12 лет, а интернет за 7 лет» [6]. Таким образом, мобильная связь мгновенно появилась в регионах, еще не достигших стадии всеобщей телефонизации. В свою очередь социальные сети опутали собой страны, где не побеждена до конца даже неграмотность.

Это свидетельствует о том, что технический прогресс на современном этапе не признает цивилизационных границ и игнорирует фактор «отсталости» стран и регионов. В связи с этим американский ученый Александр Гершенкрон ввел такое понятие, как «преимущество отсталости»: «Более позднее освоение современных технологий, благодаря невысокой цене входа и существенному снижению информационных издержек, создает потенциал инклюзивного роста, позволяя более бедным слоям населения или регионам воспользоваться новыми возможностями» [7, с. 155]. В действительности за последние десятилетия взрывной рост уровня образования населения в прежде считавшихся отсталыми регионах мира привел к дополнительным проблемам. В качестве наглядного примера можно привести «твиттерные» и «фейсбучные» революции в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Именно социальные сети стали своеобразными драйверами «Арабской весны» 2011 г. и других протестных движений. Быстрое включение молодой пассионарной массы в современные технологии ведет к неоднозначным результатам и может явиться причиной социальных катаклизмов.

В пользу этого свидетельствует и широкая протестная волна, охватившая многие страны на разных континентах на протяжении 2018–2020 гг.: Франция (движение «желтых жилетов»), Боливия, Эквадор, Чили, Венесуэла, Израиль, Ливан, Иран, Ирак, США, Белоруссия, Сербия, Болгария. Это совершенно разные государства, с различным уровнем социально-экономического развития и хозяйственным укладом. У возникновения протестных акций неодинаковые причины, но достаточно часто таковой является недовольство результатами прошедших выборов как своеобразный детонатор. Кроме того, современные протестные движения многоформатны и социально неоднородны, без четкой идеологической основы, как это было, например, в знаменитых студенческих бунтах 1968 г. Не имеет ровным счетом никакого значения, какие политические силы находятся у власти в протестных странах: правые, левые, центристы, что свидетельствует о несформировавшейся идейной основе, которой по мнению некоторых исследователей не может быть в принципе. Например, в США сегодня протестуют как против полицейского произвола и расизма, так и против самих протестующих, а насилие применяют все стороны.

Все это отличает поведение современных конфликтных социальных групп от прежних традиционных форм протеста, в которых участвовали рабочие, выдвигавшие прежде всего требования по улучшению условий труда и за социальные права. С другой стороны, сегодняшние протестующие – это не классический средний класс с его требованиями больших политических и экономических свобод. Сегодня подобные требования встречаются только

в комбинированном виде, и к ним обязательно добавляются новые в зависимости от социальной, религиозной, расовой, региональной специфики. Например, в США это требование о расширении права на применение оружия, притом что причиной протестов как раз и являлось его активное использование со стороны полиции. В постсоветских странах существенным фактором протестных движений является геополитическая ориентация: выбор между Россией и Европейским союзом, а также США. В качестве примера можно привести «оранжевую революцию» 2004 г. и Евромайдан 2014 г. на Украине, протесты после выборов в Армении 2018 г. и сегодняшние события в Белоруссии.

Студенты являются значимой составляющей (иногда даже большинством) подобных акций, но практически никогда эти протесты не являются студенческими по своей сути, как это было во Франции в 1968 г. и Китае в 1989 г., и этому есть простое объяснение, поскольку современное студенчество во многих странах не является однородной массой. Жесткой реальностью стала градация вузов, Россия здесь далеко не исключение из общего ряда, и существенным фактором, влияющим на это, является уровень преподавания, квалификация профессорско-преподавательского состава, мотивация обучающихся и, соответственно, плата за обучение. Общее убеждение учащейся молодежи состоит в том, что диплом даже очень престижного университета не является автоматическим пропуском в элиту. Именно поэтому студенческая протестная субкультура, имевшая в прошлом решающее влияние, на сегодняшний день не главный драйвер требования перемен, на которые каждый участник событий смотрит по-своему. У современных протестующих вообще отсутствует узнаваемый образ будущего.

Заключение. Из данных обстоятельств вытекает ряд существенных выводов:

1. Полисоциальный характер протестных движений. Среди активных участников современных протестных движений и акций нет четких классово-стратификационных барьеров. По-прежнему имеют значение показатели материального положения, уровня образования, профессиональной квалификации, но в сочетании с другими факторами.

2. Размытые социальные границы неизбежно предполагают отсутствие прочной идеологической базы, на место которой приходят протестные тренды, зачастую прямо не связанные с политическими событиями и требованиями. В качестве примера можно привести акции «зеленых» экоктивистов или ЛГБТ-сообщества. Проблема заключается в том, что политические субъекты активно реагируют на любые движения, из-за чего сфера принятия политических решений теряет аутентичный характер.

3. Оттеснение на задний план идеологической основы предполагает отсутствие четкой цели протеста. Сам факт участия в акциях зачастую становится важнее результата. Меняется сам формат проведения акций, теперь это нередко принимает форму перформансов.

Риски подобных тенденций достаточно трудно просчитываемы. На сегодняшний день есть все основания говорить о размывании социальной базы традиционных политических партий. Это прежде всего связано с существенным сокращением доли «среднего класса», удельный вес которого в социально-экономической системе существенно снижается. Но дело далеко не только в количественных параметрах данной социальной категории населения, что обусловлено экономическим спадом; меняются прежде всего сами модели поведения, которыми во все большей степени движут постоянно формируемые тренды, что побуждает поступать не так, как принято, например голосовать за «нерукопожатных»

прежде кандидатов. В результате привычный политический пейзаж меняется самым кардинальным способом. Это хорошо видно на примере США, где еще совсем недавно имелись основания говорить о несущественных различиях в избирательных платформах республиканской и демократической партий. Либерализм в политической системе США выполнял роль жизненно важного центра, на основе которого и формируются «месседжи» ведущих партий. Но в сегодняшних реалиях «центр» уже не может являться устойчивым, и электоральные группы апеллируют к «крайним полюсам». В результате в республиканской партии усиливаются позиции «крайних консерваторов» и «правых антиглобалистов», а в демократической – «леволибералов» и «социалистов». Имеются все основания утверждать, что политическим субъектам приходится иметь дело с широкими протестными группами и целыми движениями, которые и диктуют новые правила игры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1973.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации // Кравченко А. И. Социология Макса Вебера. Труд и экономика. М.: На Воробьевых, 1997. С. 162–180.
3. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993.
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005.
5. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
6. Май В. После конца истории: как технологический прогресс возвышает мир в XIX в. // Forbes. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/404061-posle-konca-istorii-kak-technologicheskij-progress-vozvrashchaet-mir-v> (дата обращения: 17.08.2020).
7. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / пер. с англ. А. В. Белых. М.: Дело, 2015.

Информация об авторе.

Солдатов Андрей Александрович – кандидат социологических наук (2015), доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, ул. Лоцманская, д. 3, 190121, Россия. Автор 37 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая социология, массовые коммуникации, пиар-обеспечение бизнеса. E-mail: soldatov2012@yandex.ru

REFERENCES

1. Marx, K. (1973), *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1. Kn. 1: Protsess proizvodstva kapitala* [Capital. Criticism of Political Economy. Vol. 1. Book 1: Capital production process], Politizdat, Moscow, USSR.
2. Veber, M. (1997), "Basic concepts of stratification", Kravchenko, A.I., *Sotsiologiya Maksa Vebera. Trud i ekonomika* [Sociology of Max Weber. Labor and economics], Na Vorob'evykh, Moscow, USSR, pp. 162–180.
3. Smith, A. (1993), *Issledovaniya o prirode i prichinakh bogatstva narodov: v 2 t., t. 1.* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations: in 2 vol.], Nauka, Moscow, RUS.
4. Florida, R. (2005), *Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life], Klassika-XXI, Moscow, RUS.

5. Standing, G. (2014), *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Transl. by Usova, N., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.

6. Mau, V. (2020), "After the End of History: How Technological Progress Raises the World in the 19th Century", *Forbes*, available at: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/404061-posle-konca-istorii-kak-tehnologicheskii-progress-vozvrashchaet-mir-v> (accessed 17.08.2020).

7. Gerschenkron, A. (2015), *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoi perspektive* [Economic Backwardness in Historical Perspective], Transl. by Belykh, A.V., Delo, Moscow, RUS.

Information about the author.

Andrei A. Soldatov – Can. Sci. (Sociology) (2015), Associate Professor at the Department of philosophy and sociology, State Marine Technical University, 3 Lotsmanskaya str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 37 scientific publications. Area of expertise: political sociology, mass communication, PR-business support. E-mail: soldatov2012@yandex.ru